

УДК 325.1

*Kupreev A.A.
Kireev A.A.*

Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая

Impact of Russian migration policy on the dynamics of transborder migration from China

На основе сравнительного анализа тенденций динамики ряда переменных в исследовании предпринята попытка оценки воздействия российской миграционной политики на трансграничную миграцию из Китая в 1989 – 2012 гг. Автор выделяет недостатки государственного регулирования миграции из КНР, указывает возможные направления повышения его действенности и перспективы дальнейшего изучения данной проблемы.

Ключевые слова: *российская миграционная политика, китайская трансграничная миграция, анализ тенденций динамики, российско-китайские отношения, российский Дальний Восток*

Based on comparative analysis of trends of a number of variables the study assesses the impact of the Russian migration policy on transborder migration from China in 1989 – 2012 years. The author highlights the shortcomings of state regulation of migration from China, and indicates possible ways of increasing its efficiency and prospects for further examination of the problem.

Key words: *Russian migration policy, Chinese transborder migration, analysis of trends, Russian-Chinese relations, Russian Far East*

В отечественном общественном сознании постсоветского периода найдётся немного научных направлений, которые могли бы сравниться по объёму написанного с исследованиями миграций и миграционной политики. Тем не менее, в этом огромном и ускоренно прирастающем объёме публикаций обнаруживается неожиданно мало работ, предметом которых бы прямо выступала причинная зависимость между миграционной политикой и миграционным процессом. Безусловно, постановка объяснительных задач вообще редка в социогуманитарных исследованиях. Однако, судя по состоянию изученности данной проблемы, здесь исследователи сталкиваются с особенными, неординарными трудностями.

Действительно, рассматривая информационную базу российских исследований управления миграционными процессами, и в особенности миграциями трансграничного типа, можно прийти к выводу, что она сконцентрировала в себе целый комплекс недостатков, серьёзно ограничивающих возможности её научной обработки. Среди таких недостатков, прежде всего, необходимо выделить следующие:

◆ Неполнота информации. Как миграции, так и государственная миграционная политика представляют собой чрезвычайно сложные,

разнообразные и быстро эволюционирующие общественные процессы, внутренняя структура и внешние связи которых не имеют достаточно полного теоретического описания, и поэтому не могут быть исчерпывающим образом выражены в совокупности существенных переменных. Следствием этого являются узость и произвольность набора тех параметров миграции и миграционной политики, которые обычно становятся предметом их систематического мониторинга, осуществляемого в основном государственными статистическими службами. Данный недостаток в наибольшей мере проявляет себя при сборе информации о трансграничных миграциях, активное развитие которых началось в сравнительно более поздний период (в России – с конца 80-х гг. XX в.), и которые соответственно описаны теоретическими и эмпирическими моделями с ещё меньшей полнотой;

♦ Неквантифицируемость данных. Поскольку миграция и миграционная политика являются социальными (общественными) процессами, они необходимо включают в себя мотивационные и коммуникативные компоненты, в которых реализуются различные факторы сознания – психологические, культурные и идеологические. От присутствия этих факторов не может быть свободна и причинная зависимость между миграционной политикой и миграцией, также имеющая общественную, т.е. двойственную, субъективно-объективную, природу. При этом, в отличие от поведенческих и ресурсных аспектов миграционного и политического процессов, их мотивационные и коммуникативные составляющие (если рассматривать их в содержательном плане, а не с точки зрения, скажем, их распространённости), как правило, не имеют унифицированных мер и не могут быть представлены в количественной форме. В итоге они часто просто остаются за рамками миграционных исследований;

♦ Недоступность информации. Трансграничные миграции и их регулирование обычно в той или иной степени ассоциируются с интересами государственной (национальной) безопасности. В России эта связь традиционно является особенно сильной, что предопределяет существование многочисленных и жёстких ограничений на доступ к соответствующей информации. В относительно полном виде в открытую печать поступают данные лишь по небольшой части тех параметров трансграничной миграции и миграционной политики, которые измеряются российскими государственными ведомствами. Остальная же информация либо публикуется фрагментарно, либо остаётся недоступной для исследователей в течение неопределённо долгого времени. Причём закрытая таким образом информация в значительной мере не может быть восполнена результатами негосударственных исследований.

Названные недостатки информационной базы изучения воздействия миграционной политики России на трансграничную миграцию дают общее представление о том, насколько серьёзные препятствия стоят сегодня перед любыми попытками комплексного объяснительного моделирования сложной связи этих двух процессов. Перспективы же полного выражения такой модели в количественной (интервальной) форме в этих условиях и вовсе выглядят призрачными.

Осознание этой реальности по существу оставляет исследователям проблемы только два пути. Первый путь предполагает сознательное сведение изучаемой проблемы к рассмотрению прямой связи относящихся к двум процессам отдельных переменных, результаты количественного измерения которых доступны. При этом речь идёт, как правило, о довольно частных (специализированных) или локальных показателях политики и миграционного процесса, которые скорее могут удовлетворять строгим требованиям к полноте и точности данных. Примерами такого «редуцирующего» подхода могли бы быть исследования связи между динамика-

ми объёма финансирования миграционной политики и количества выявленных в стране нелегальных иммигрантов или между изменениями численности (уровня квалификации, технической обеспеченности и т.п.) персонала конкретного пункта пропуска и количества въехавших через него мигрантов¹. Основанные на редуцирующем подходе исследования воздействия политики на трансграничные миграции пока сравнительно мало распространены, однако, учитывая большое число работ аналогичным образом, с применением методов двумерной и многомерной статистики, анализирующих обусловленность миграционных процессов различными экономическими факторами², их быстрый рост в ближайшее время весьма вероятен.

Редуцирующий подход, безусловно, привлекателен той относительной простотой и оперативностью, с которой он способен давать точные и воспроизводимые, и в этом смысле однозначные, результаты³. Однако допускаемые этим подходом радикальное упрощение и фрагментация изучаемых политических и миграционных процессов и их отношений крайне ограничивают возможности практического применения получаемых в его рамках выводов. Так, при принятии стратегических решений большого временного и пространственного масштаба, создании концепций национальной и региональной миграционной политики множество разнообразных и сколь угодно точно вычисленных показателей её связи с трансграничным движением мигрантов, скорее всего, окажется бесполезным и невостребованным. С точки зрения практических управленческих задач этого уровня, точность и детальность в описании и объяснении управляемого объекта обычно имеют меньшую ценность, чем широта и целостность.

Учитывая это, необходимо вспомнить о существовании и другого пути изучения обсуждаемой здесь проблемы. Этот второй путь исходит из того, что каждый из двух изучаемых процессов характеризуется большой группой переменных, связанных друг с другом (внутри данного процесса) и с переменными, относящимися к другому процессу, множеством прямых и косвенных (в т.ч. многократно опосредованных) причинных отношений. При этом, значительная часть этих переменных недоступна для точного количественного (интервального) измерения и может быть оценена только приблизительно, в порядковых и номинальных категориях, а конкретный механизм (форма) причинной связи между многими переменными остаётся неизвестным. Если рассматривать проблему воздействия миграционной политики на трансграничную миграцию на таком уровне сложности (самих процессов и их связи), то её решение потребует использования «интегрального» подхода. В отличие от «редуцирующего», «интегральный» подход базируется не на статистических методах вычисления коэффициента связи переменных, а на простом сравнительном анализе тенденций (или трендов) динамики этих переменных, визуализированных, например, в виде линейной диаграммы. Однако за счёт снижения точности описания и анализа, огрубления их результатов, этот подход даёт возможность охватить более широкий круг переменных и связей двух процессов и увидеть картину их причинных отношений более целостно.

Следует подчеркнуть, что интегральный и редуцирующий подходы не исключают друг друга. В изучении воздействия миграционной поли-

¹ О количественном анализе связей узкоспециализированных (погранометрических) показателей миграционной политики и трансграничной миграции см. [3]

² Например: [2]

³ В то же время, не следует забывать, что интерпретация результатов любого корреляционного или регрессионного анализа может оказаться далеко неоднозначной.

тики на трансграничную миграцию они являются равно необходимыми. Каждый из подходов имеет свою предпочтительную сферу применения, разграничить которые можно исходя из масштаба (международный, национальный или локальный) проводимого исследования и состояния его эмпирической базы (степень полноты и точности данных). При достижении достаточно высокого уровня изученности проблемы интегральный и редуцирующий подходы к её анализу могут стать взаимодополняющими. В этих условиях интегральный подход может послужить средством операционализации абстрактных концепций связи миграционной политики и трансграничной миграции, графическая конкретизация которых позволит сформулировать пригодные для статистической проверки гипотезы и придать тем самым теоретическим исследованиям в этой области большую обоснованность. В то же время, формирование большого и плотного корпуса результатов исследований, основанных на редуцирующем подходе, может облегчить их сопоставление и определение места отдельных измеренных переменных и связей в структуре «интегральных» эмпирических, а затем и теоретических моделей воздействия миграционной политики на миграцию.

Целью данного исследования является оценка воздействия российской миграционной политики на трансграничную миграцию из КНР с использованием интегрального подхода. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1988 по 2014 гг. Это период возобновления (после длительного перерыва) и активного развития массового миграционного движения из Китая на территорию России и одновременно становления (также, по сути, «с чистого листа») государственной политики по управлению им.

Исходя из общих принципов интегрального подхода, каждый из изучаемых процессов, – трансграничная миграция и миграционная политика, – будет представлен в исследовании несколькими переменными, временные ряды значений которых, позволяют проследить характеризовавшие эти процессы в изучаемый период тенденции. Так, для описания трансграничной миграции из Китая в Россию будут использованы следующие переменные: 1) количество въездов иностранцев из Китая в Россию; 2) количество трудовых (легальных) мигрантов из Китая, работающих в России; 3) количество одновременно (постоянно в течение года) пребывающих в России китайских граждан. Далеко не исчерпывая содержания понятия «трансграничная миграция», названные переменные фиксируют, однако, важные аспекты этого процесса, и в той или иной степени обеспечены данными интервального типа. Вместе с тем, эти данные имеют немало недостатков с точки зрения полноты, точности и достоверности. Наиболее достоверными и полными из них являются данные о количестве въездов из Китая в Россию, собираемые российской пограничной службой. Однако их использование и сопоставление с другими данными о миграции существенно осложняется тем, что единицей счёта в данном случае выступает факт пересечения мигрантом границы, а не он сам как конкретный индивид¹. Относительной достоверностью и точностью обладает предоставляемая миграционной службой статистика численности трудовых мигрантов из КНР, слабой стороной которой, вместе с тем, является неполнота, значительный недоучёт китайских мигрантов, работающих в России нелегально. Наименьшей точностью и достоверностью отличаются данные о китайцах, пребывающих в России, представляющие собой результаты экспертных оценок.

Для описания российской политики в отношении трансграничной миграции из Китая в работе будут использованы следующие перемен-

¹ Превышение числа въездов над числом въехавших может достигать трети и более.

ные: 1) общая открытость страны для китайских мигрантов; 2) открытость страны для трудовых мигрантов (наёмных работников) из Китая; 3) качество системы учёта и контроля трансграничной миграции. Указанные переменные не могут быть сведены к каким-либо статистическим показателям (по крайней мере, существующим в готовом виде), их значения можно определить только приблизительно, на порядковом уровне. Кроме принципиально иного, более низкого, чем у данных о миграции, уровня точности, данные о миграционной политике будут отличаться и другой временной масштаб, поскольку существенные изменения в значениях «политических» переменных, как правило, фиксируются не ежегодно, а по окончании более крупных временных промежутков – периодов.

Реконструкция временных рядов значений переменных, характеризующих трансграничную миграцию из Китая и политику в отношении неё, и их графическое представление на линейной диаграмме позволит наглядно сравнить динамику этих двух процессов в целом и в их разных аспектах. Такое сравнение может выявить наличие, направление и силу¹ связи изучаемых процессов, и, в конечном счёте, сделать общие выводы о влиянии политики на трансграничную миграцию из Китая в Россию. Эти выводы могли бы выполнять роль гипотез в дальнейших исследованиях данной проблемы, опирающихся на более широкие и точные данные и количественные методы анализа.

Переходя к реконструкции временных рядов значений переменных, описывающих первый из рассматриваемых процессов, – трансграничную миграцию из КНР, – следует сделать несколько уточняющих замечаний. Автор не располагает общероссийской статистикой въезда в страну граждан Китая в период до 1993 г. Приводимые данные о въезде за 1989 – 1992 гг. касаются пересечения российской границы в пределах Приморского края и Амурской области, а потому в той или иной степени неполны². Сведения о численности работающих в России китайских трудовых мигрантов до 1994 г. государственными органами не собирались, поэтому данные по этой переменной за предшествующие годы являются оценочными. Оценочный, экспертный характер имеют, как уже указывалось, и все значения переменной «количество одновременно пребывающих в России китайских граждан». При построении временного ряда данных по этой переменной не принимались во внимание оценки журналистов и представителей власти, которые отличаются обычно наибольшей ангажированностью и поляризованностью. В работе отражены оценки представителей учёного сообщества и прежде всего, авторов, ведущих длительные и в т.ч. эмпирические, исследования китайской миграции. Поскольку экспертные мнения часто выражены в виде диапазонов значений³, в предлагаемой реконструкции учтены как максимальные, так и минимальные их пределы. Если цитируемые публикации экспертов не содержали точной временной атрибуции приводимой численности мигрантов, то такая атрибуция производилась по дате самой публикации.

Результаты реконструкции временных рядов значений трёх переменных, описывающих трансграничную миграцию из Китая в Россию, синхронизированы в *Таблице 1*.

¹ Речь идет, конечно, о выявлении силы связи только на порядковом уровне (сильная – слабая). Ее количественная оценка требует большей точности исходных данных и иных методов анализа.

² Поскольку через пункты пропуска Амурской области и Приморского края проходил основной поток въезжающих из КНР, эта степень невелика.

³ Это обусловлено не только приблизительностью самих оценок, но и объективными сезонными колебаниями численности мигрантов в течение года.

Таблица 1. Динамика трансграничной миграции из Китая в Россию в 1989 – 2014 гг. (по трём переменным)

Годы	Количество въездов из Китая в Россию (тыс. случаев)	Количество трудовых мигрантов из Китая (тыс. чел.)	Количество одновременно пребывающих китайских граждан (тыс. чел.)
1989	28	н/д	н/д
1990	74	10	н/д
1991	187	н/д	н/д
1992	477	н/д	н/д
1993	751	18	до 300
1994	328	20	н/д
1995	391	26	н/д
1996	349	24	н/д
1997	449	22	н/д
1998	473	23	200 – 400
1999	447	24	н/д
2000	494	26	н/д
2001	461	39	н/д
2002	726	39	200 – 400
2003	680	73	н/д
2004	813	94	н/д
2005	799	161	до 500
2006	765	211	н/д
2007	765	229	н/д
2008	815	282	н/д
2009	718	270	400 – 600
2010	748	186	от 400
2011	845	69	н/д
2012	979	77	н/д
2013	1071	н/д	н/д
2014	н/д	н/д	400 – 600

Примечание: данные округлены до тысяч.

Составлено на основе (источники разделены по колонкам таблицы):

- 1) [6, с. 76; 11, с. 106 – 107; 17, с. 184; 18; 19; 20; 21; 22; 30; 31; 32; 33]
- 2) [17, с. 186; 23, с. 51 – 52; 24; 25; 26; 27; 28; 29]
- 3) [4, с. 28 – 31; 10, с. 392; 13, с. 207; 14, с. 279 – 280; 23, с. 57 – 58; 34, р. 225 – 226]

Реконструкция временных рядов значений переменных миграционной политики сопряжена с большими трудностями. Она требует осуществления сравнительно-исторического анализа и оценки (порядкового измерения) изменений в целях и средствах миграционной политики. В частности, измерение переменных «общая открытость страны для китайских мигрантов» и «открытость страны для трудовых мигрантов из

Китая» предполагает рассмотрение таких отражавших основные цели российского государства в этой сфере политических и правовых документов, как программы и концепции, международные акты, федеральные законы, указы и постановления правительства. Для измерения переменной «качество системы учёта и контроля трансграничной миграции» главный интерес представляют президентские и правительственные решения о создании и преобразовании органов миграционной политики и их материально-техническом обеспечении, а также регламентирующие их работу подзаконные акты. Оценка тенденций динамики всех трёх названных переменных будет производиться с помощью порядковой шкалы, допускающей четыре возможных значения измеряемой переменной – «очень высокое», «высокое», «низкое» и «очень низкое».

Меньшее число градаций и меньшая частота колебаний переменных, характеризующих миграционную политику (в сравнении с переменными миграции), позволяет представить временные ряды значений этих переменных в виде периодизаций. В силу самой сущности государственной политики, как целенаправленной и централизованной регулирующей деятельности, её переменные (в сравнении опять же с переменными миграции) обладают относительно более тесной взаимосвязью, что выражается в высокой степени синхронности упомянутых периодизаций. Исходя из этого, для упрощения описания и дальнейшего сравнения, я считаю возможным объединить периодизации динамики трёх переменных в общую периодизацию развития миграционной политики.

Первый период в развитии государственной политики в отношении китайской миграции в Россию, который может быть выделен в хронологических рамках данного исследования, продолжался с июля 1988 по октябрь 1993 г. Главной отличительной чертой этого периода было кардинальное изменение общих приоритетов в регулировании трансграничной миграции – переход от почти полной закрытости границы с Китаем к ликвидации большей части существовавших в этой сфере барьеров. Начало этому процессу было положено заключением советско-китайского соглашения от 15 июля 1988 г. С начала 90-х гг., после двустороннего обмена дипломатическими нотами в январе – марте 1991 г. и особенно подписания российско-китайского соглашения от 18 декабря 1992 г. о безвизовых групповых туристических поездках, режим въезда граждан КНР на российскую территорию стал предельно либеральным [6, с. 54; 8, с. 359-360].

Несмотря на то, что номинально порядок въезда и пребывания таких категорий китайских мигрантов как трудовые мигранты (рабочие и служащие) и туристы регулировался разными международными актами, фактически, в т.ч. ввиду недоработанности нормативной базы, миграционная политика этого периода оставалась недифференцированной. С точки зрения свободы въезда, перемещений и деятельности трудовые мигранты по существу не отличались от безвизовых туристов, под видом которых в страну в эти годы в действительности приезжали лица, искавшие возможности трудоустройства или ведения самостоятельной экономической (торгово-предпринимательской, ремесленной, промышленной и т.п.) деятельности.

Наиболее проблемным аспектом российской миграционной политики 1988 – 1993 гг. являлась её обеспеченность институциональными и материально-техническими средствами. Специализированное ведомство, ответственное за реализацию этой политики (ФМС), было образовано в России только в июне 1992 г., а формирование сети его региональных подразделений продолжалось затем ещё в течение нескольких лет. Таким образом, как отмечают многие исследователи, на протяжении всего данного периода какая-либо единая и работоспособная система учёта

и контроля внешних мигрантов в стране практически отсутствовала [9, с. 147; 10, с. 383; 15, с. 68-69].

В целом, степень общей открытости России для китайских мигрантов в период с июля 1988 по октябрь 1993 г. можно оценить как очень высокую. Поскольку миграционная политика этих лет была недифференцированной, примерно на том же уровне находилась и открытость страны для трудовых мигрантов из КНР¹. Что же касается качества системы учёта и контроля трансграничной миграции, то измерить значение этой переменной невозможно, ввиду того, что создание такой системы было начато лишь в самом конце рассмотренного периода.

С октября 1993 г. российская миграционная политика вступила во второй период своей истории, продолжавшийся до февраля 2000 г. Пересмотр государственной политики в отношении миграции китайцев в Россию был инициирован администрациями дальневосточных регионов РФ, принявшими ряд решений, направленных на ограничение притока мигрантов, улучшение их учёта, ужесточение контроля за их деятельностью и передвижением [8, с. 366-367]. Вслед за этим, в декабре 1993 г. федеральными властями был издан целый комплекс нормативных актов по проблемам трансграничной миграции, а также подписано соглашение с правительством КНР о визовых поездках граждан. Прямым развитием этих решений стали утверждённая в августе 1994 г. «Федеральная миграционная программа» (действовала до 2002 г.) и принятые в сентябре того же года постановления Правительства РФ о введении иммиграционного контроля. Завершение формирования нового курса государства в области миграционной политики было связано с изданием 15 августа 1996 г. ФЗ «О порядке въезда в РФ и выезда из РФ» [6, с. 57-58; 10, с. 115, 383 – 384; 15, с. 70-72].

Хотя новая миграционная политика Москвы сужала возможности безвизового притока китайцев в Россию, в отличие от действий региональных администраций, в целом она отдавала приоритет задачам скорее не ограничения, а упорядочения миграции. В политических и правовых документах федеральных органов требования, исходившие от регионов, отражались в значительно более сдержанной, умеренной форме.

В рассматриваемый период происходит постепенная дифференциация миграционной политики по социальным (профессиональным) категориям мигрантов. И первой категорией китайских мигрантов, оказавшейся объектом особого внимания российских властей, стали наёмные работники. После подписания 16 декабря 1993 г. Указа Президента «О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы», объёмы легального въезда трудовых мигрантов из Китая за счёт введения централизованной выдачи работодателям соответствующих разрешений были существенно лимитированы. Даже с учётом принятых в 1996 и 1998 гг. мер по ограничению активности китайских «челноков», наиболее высокие барьеры в этот период были воздвигнуты именно на пути трудовой миграции из КНР [6, с. 58-60; 10, с. 362].

К середине 90-х гг. в основном завершились процессы формирования сети территориальных управлений ФМС и (начавшейся с сентября 1994 г.) организации постов иммиграционного контроля. Миграционные, а также правоохранительные и пограничные органы получили дополнительные полномочия по контролю над трансграничными мигрантами вплоть до выдворения их из страны [8, с. 316, 369-370]. Однако рассогласованность функционирования упомянутых ведомств, общий

¹ Необходимо уточнить, что это, самое высокое в пределах хронологических рамок настоящего исследования, значение обеих переменных было достигнуто не сразу, но лишь в начале 1991 г.

недостаток финансирования и глубокая коррумпированность контролирующих структур не позволили в эти годы обеспечить минимально необходимое качество их работы. Оживившаяся в этот период борьба с нелегальной миграцией носила характер не системной деятельности, а скорее разовых, показательных акций и кампаний.

Таким образом, степень общей открытости России для мигрантов из Китая в период с октября 1993 по февраль 2000 г. можно определить как высокую. Вместе с тем, уровень открытости страны для трудовой миграции, которая в сравнении с другими миграционными потоками из КНР подверглась в данный период значительно большей барьеризации, следует, на мой взгляд, оценить как низкий. Качество же едва сложившейся системы учёта и контроля трансграничной миграции находилось в целом на очень низком уровне.

Следующий, третий, период в истории миграционной политики продолжался с февраля 2000 по июль 2006 г. В это время российское законодательство в сфере миграционной политики быстро дифференцировалось по категориям мигрантов, что затрудняет выявление общих целей последней. Тем не менее, учитывая, что основной категорией мигрантов из КНР являлись безвизовые туристы, ехавшие в Россию главным образом для ведения самостоятельной экономической деятельности, регулирование их потока и определило общий характер миграционной политики этого периода. Подписание нового российско-китайского соглашения о безвизовых поездках от 29 февраля 2000 г., а затем ужесточающих поправок к нему в 2006 г., ряд решений по борьбе с «серым» импортом и контрабандой, принятых с 2004 г., а также издание Правительством РФ постановления от 23 января 2006 г. об ограничении веса товаров, ввозимых в Россию физическими лицами [8, с. 297, 301, 377-382] – всё это, так или иначе, прямо и косвенно было направлено на сокращение «псевдотуризма» как важнейшего канала проникновения в страну нелегальных китайских коммерсантов («челноков») и рабочих. Меры против псевдотуризма (не только китайского) сопровождались действиями по стимулированию въезда в страну «настоящих» туристов, а также зарубежных студентов, однако в общей массе мигрантов доля таковых оставалась всё ещё незначительной.

В контексте общего ужесточения политики в отношении внешних трудовых мигрантов определённое ограничивающее воздействие в этот период испытала и трудовая миграция из КНР. В результате заключения российско-китайского соглашения о временной трудовой деятельности от 3 ноября 2000 г., а затем издания ФЗ от 25 июля 2002 г. и Постановления Правительства РФ от 30 декабря того же года были сокращены сроки пребывания китайских рабочих в России, введён механизм квотирования, установлена более сложная и дорогостоящая процедура найма. Вместе с тем, ряд норм этих и некоторых других (например, соглашения между РФ и КНР о совместном освоении лесных ресурсов от 3 ноября 2000 г.) правовых актов, свидетельствовали о том, что главной целью российских властей являлось не сокращение китайской трудовой миграции, а её реорганизация на основе подписания крупных контрактов с легально работающими китайскими компаниями. Приоритетными сферами для активного привлечения на этих условиях китайского труда в Россию стали лесозаготовки, строительство и сельское хозяйство [6, с. 62-65; 9, с. 212-215; 10, с. 121-122].

Особенностью периода 2000 – 2006 гг. явилось значительно возросшее внимание государства к качеству миграционного учёта и контроля. В целях обеспечения централизации и повышения эффективности контроля над иностранцами самостоятельная ранее ФМС в феврале 2002 г. была включена в структуру МВД, где с 2004 г. её полномочия были суще-

ственно расширены (за счёт административно-репрессивных функций). Для решения той же задачи, – преодоления ведомственной разобщённости и дублирования, – но уже в области учёта в ноябре 2002 г. в России были введены миграционные карты, которые должны были послужить основой проектируемой единой автоматизированной базы данных находящихся в стране иностранных граждан. Однако из-за бюрократических проволочек и недостатка финансирования в запланированный трёхлетний срок эта база так и не была сформирована. В её отсутствие концентрация функций контроля в руках силовых структур не только не повысила качество управления миграцией, но и произвела обратный эффект. Как по мнению исследователей, так и по признанию самих представителей власти, итогом всех этих мер стал лишь ещё больший рост нелегального сегмента трансграничной миграции [7, с. 32-33; 15, с. 77-81].

В целом, в феврале 2000 – июле 2006 г. степень общей открытости страны для граждан Китая уменьшилась, достигнув низкого уровня. В то же время, тенденция изменения меры открытости России для легальных трудовых мигрантов из КНР была скорее противоположной: достигнутый ей уровень можно оценить как высокий. Что же касается такой переменной миграционной политики, как качество системы учёта и контроля, то, несмотря на все усилия государства, его уровень остался в основном прежним, т.е. очень низким.

Начиная с июля 2006 г. российская миграционная политика вступила в четвёртый период своего развития, продолжавшийся до июня 2012 г. Общий смысл произошедших в это время изменений состоял в значительной либерализации данной политики¹, при сохранении и даже усилении её дифференцированности по категориям мигрантов. Эти фундаментальные изменения в полной мере отразились и на регулировании трансграничной миграции из КНР. С 2009 г. в итоге последовательного ряда правовых и административных решений главный объект ограничительных мер российских властей – торговый и рабочий псевдотуризм – во многом утратил своё значение в составе китайской миграции. Что же касается оставшихся её компонентов, т.е. «настоящего» рекреационно-потребительского туризма, трудовой и учебной миграции, то в их отношении Россия проводила скорее политику повышения открытости, хотя степень и механизмы обеспечения последней для каждого из этих компонентов были неодинаковы [6, с. 68-71; 12; 16].

Хотя важнейшим «адресатом» подписанных 18 июля 2006 г. ФЗ «О миграционном учёте» и поправок к ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» являлись выходцы из стран СНГ, связанное с их реализацией расширение возможностей трудоустройства в России ощутили на себе и граждане КНР. Даже если учесть, что введённые этими законами уведомительный миграционный учёт и упрощённая процедура найма с началом в конце 2008 г. мирового экономического кризиса были во многом вновь пересмотрены в сторону ужесточения, полного возврата к прежней политике всё же не произошло. Во всяком случае, и в годы кризиса квоты для визовых трудовых мигрантов продолжали находиться на более высоком уровне, чем в конце предшествующего, третьего, периода истории миграционной политики [6, с. 68-69; 7, с. 12-13, 33-34; 15, с. 13]. Единственной категорией трудовых мигрантов, натолкнувшихся на своём пути в Россию в этот период на жёсткий (но, как оказалось позднее, всё же преодолимый) барьер, стали иностранцы, работавшие в сфере розничной торговли [6, с. 68-69].

Период 2006 – 2012 гг. явился временем достижения заметных успехов в повышении качества миграционного учёта и контроля. В 2011

¹ Эта либерализация не была в полной мере сведена на нет даже ее последовавшей с началом мирового экономического кризиса ревизией.

г. было, наконец, завершено начатое ещё в 2002 г. построение единой межведомственной автоматизированной системы учёта иностранных граждан [1]. Кроме того, в марте 2007 г. статус самостоятельного по отношению к МВД ведомства в ранге министерства приобрела ФМС. Она сосредоточила в своих руках все полномочия в области реализации миграционной политики, включая выполнение функций по учёту и контролю трансграничной миграции [15, с. 17]. Далеко не устранив проблему нелегальной миграции в России, принятые меры, по отзывам экспертов, всё же впервые позволили приблизиться к выявлению её подлинных масштабов и содержания.

Подводя итог периоду с июля 2006 по июнь 2012 г., можно отметить, что общая открытость России для китайских мигрантов в эти годы возросла, поднявшись с низкого до высокого уровня. При всех значительных колебаниях, связанных с мировым кризисом, по крайней мере, на прежнем, т.е. высоком, уровне осталась открытость страны для такой категории мигрантов из КНР как рабочие. С очень низкого до низкого повысилось в рассматриваемый период качество российской системы учёта и контроля трансграничной миграции.

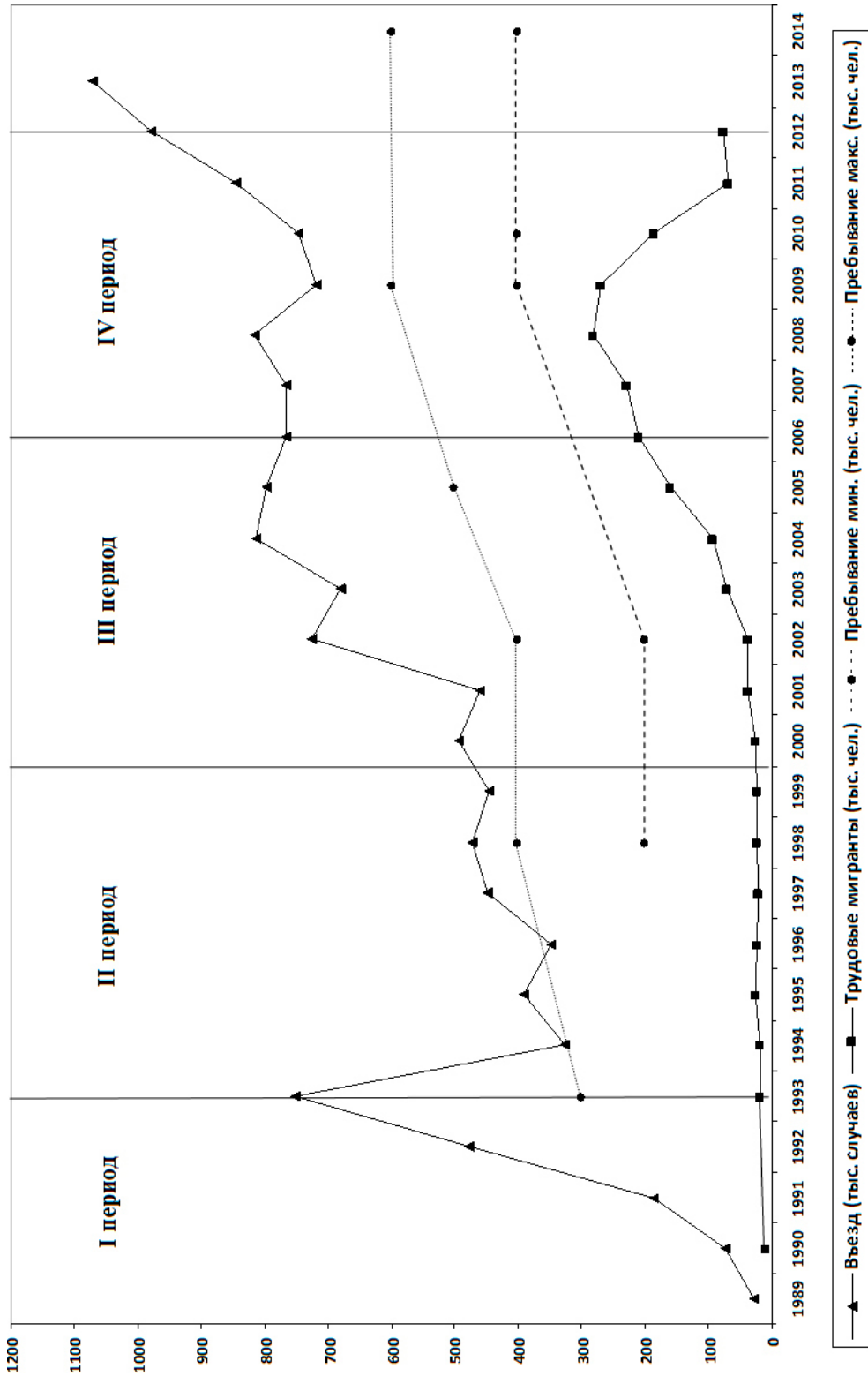
Подписание в июне 2012 г. готовившейся в течение многих лет Концепции миграционной политики РФ (2012 – 2025 гг.), по-видимому, можно считать событием, открывающим новый период в истории регулирования китайской миграции в России. Большинство оценок изменений, происходящих в российской миграционной политике, сходятся в том, что в них преобладает рестриктивная, ограничительная тенденция. Насколько это верно в отношении миграции из Китая, судить пока трудно. Так или иначе, поскольку нормативно-правовая база нового государственного курса в миграционной сфере ещё находится в процессе формирования, анализ его воздействия оказывается за рамками данного исследования.

Четыре реконструированных общих (обобщающих динамику трёх переменных) периода в развитии российской миграционной политики, – 1988 – 1993, 1993 – 2000, 2000 – 2006, 2006 – 2012 гг., – могут быть непосредственно сопоставлены с выявленными ранее колебаниями значений переменных трансграничной миграции из КНР в 1989 – 2014 гг. Тенденции динамики этих двух процессов синхронизированы на *Диаграмме 1*.

Уже при первом взгляде на *Диаграмму 1* можно заметить, что, по крайней мере, между некоторыми тенденциями миграционной политики и трансграничной миграции действительно существует видимая связь. Моменты смены политического курса прямо или с запаздыванием в 1 – 2 года (что объяснимо постепенностью формирования целей и средств новой политики) коррелируют с крупными изменениями в динамике въезда граждан КНР и использования в России китайских трудовых мигрантов. Для того чтобы точнее охарактеризовать эту связь, определить её направление и силу, проанализируем содержание диаграммы по периодам.

Первый из выделенных на диаграмме периодов (июль 1988 – октябрь 1993 г.) обладает особенно яркой спецификой тенденций миграционного процесса. Его отличает стремительный рост количества въездов из КНР и почти такое же резкое увеличение числа одновременно пребывающих на территории России китайских граждан. Эти тенденции с очевидностью имеют прямую и сильную положительную связь с кардинальной либерализацией, а точнее довольно примитивным радикальным дерегулированием трансграничной миграции (во всех её формах), при практическом отсутствии общегосударственной системы её учёта и контроля. Показанные на диаграмме значительно более скромные темпы роста в

Диаграмма 1. Тенденции динамики миграционной политики России и трансграничной миграции из Китая (1989 – 2014 гг.)

Источник: составлено автором

эти годы трудовой миграции, судя по всему, объясняются главным образом неполнотой исходных данных.

Для второго периода (октябрь 1993 – февраль 2000 г.) было характерно ослабление положительной связи миграционной политики с общим объёмом въезда из Китая и отрицательные связи с показателями количества китайских трудовых мигрантов и постоянно пребывающих в России китайцев. Тенденция к резкому уменьшению количества въезжающих, превышающая меру снижения Москвой общей открытости страны, на мой взгляд, стала результатом, кроме того, ряда дополнительных ограничительных действий администраций дальневосточных регионов, а также (и вероятно, в первую очередь) углубления в эти годы социально-экономического кризиса в России. Медленный и неустойчивый (по официальным данным), но всё же рост трудовой миграции из КНР, вопреки её государственной барьеризации, отражал, по-видимому, традиционно высокий и ставший ещё большим в условиях оттока населения на запад спрос на рабочую силу в азиатской части России. Постепенное увеличение числа китайцев, постоянно находящихся в стране (в основном за счёт нелегалов), также происходившее вразрез с политикой повышения качества миграционного учёта и контроля, было следствием бессистемности и низкой эффективности реализации последней.

Третий период истории миграционной политики (февраль 2000 – июль 2006 г.) ознаменовался её слабой отрицательной связью с общим въездом китайцев в Россию, слабой положительной связью с привлечением китайской рабочей силы и отсутствием связи с динамикой постоянного пребывания граждан КНР. Несмотря на снижение общей открытости страны до низкого уровня, в этот период въезд из Китая почти удвоился, что могло явиться следствием экономических факторов (быстрый рост российско-китайской торговли, в т.ч. «челночной») и изменений в политике КНР (курс «идти во вне»). Экономические причины (подъём внутрироссийского спроса на рабочую силу), по-видимому, стоят и за более значительным, чем можно было ожидать исходя из заявленных целей миграционной политики, увеличением количества трудоустроенных (только официально!) в России китайских рабочих. При оставшемся на прежнем – очень низком – уровне качества системы учёта и контроля миграции, медленный рост численности постоянно пребывающих в стране китайцев в эти годы продолжился.

Четвёртый выделенный на диаграмме период (июль 2006 – июнь 2012 г.) характеризовался сильной положительной связью миграционной политики с общим количеством въездов из КНР, отсутствием её связи с динамикой количества работавших в стране китайских трудовых мигрантов и слабой отрицательной связью с тенденцией постоянного пребывания китайцев. Даже в условиях разразившегося в этот период мирового экономического кризиса основной тренд въезда в Россию из Китая в целом соответствовал политически установленному более высокому, чем в предыдущий период, уровню общей открытости страны. Тенденции изменения численности китайской рабочей силы в эти годы (сначала подъём, а затем резкий спад) определялись, по-видимому, прежде всего международными (всё тот же кризис в мировой экономике) и внутренними (вытеснение китайских рабочих мигрантами из Средней Азии) социально-экономическими факторами, поскольку уровень открытости России для трудовых мигрантов оставался неизменно высоким. Что же касается численности одновременно находящихся в стране китайских граждан, то, невзирая на повышение качества системы учёта

и контроля, её постепенный рост в данный период продолжался, лишь несколько замедлившись¹.

Все высказанные выше суждения о связях миграционной политики и миграции из Китая, конечно, являются предварительными, поскольку базируются на приблизительном сравнении графиков, т.е. в основном порядковом измерении. Кроме того (и это более существенно), представленный анализ не включал в себя систематического рассмотрения возможных альтернативных причин динамики трансграничной миграции. В исследовании упоминались только некоторые из таких факторов. Дальнейшее развёрнутое объяснительное изучение миграции в Россию из Китая должно принять во внимание синхронные ей тенденции изменения, по крайней мере, ещё двух категорий факторов: 1) смежные социально-экономические процессы (особенно состояние рынков труда и товаров в России и Китае и взаимные экономические (торговые и инвестиционные) отношения двух стран) и 2) смежные политические процессы (в особенности экономическая (таможенная и налоговая) политика в России и Китае, а также их политико-дипломатические отношения). Учёт долговременных тенденций этих факторов способен внести коррективы в предложенную картину причинных отношений российской миграционной политики и трансграничной миграции из Китая.

Пока же проведённый анализ позволяет сделать следующие общие выводы:

1. Воздействие миграционной политики на трансграничную миграцию из КНР на протяжении рассмотренного исторического интервала (1988 – 2012) в целом имело тенденцию к росту. В частности, в рамках четвёртого периода (2006 – 2012 гг.) связи миграционной политики с динамикой переменных «количество въездов из Китая в Россию» и «количество трудовых мигрантов из Китая, работающих в России» впервые (не считая периода государственного дерегулирования миграции в 1988 – 1993 гг.) одновременно не являлись отрицательными. Впрочем, этот рост воздействия политики на свой объект был не только медленным и неустойчивым, но и неравномерным. Так, переменная «количество постоянно пребывающих в России китайских граждан» на протяжении трёх периодов (с 1993 по 2012 гг.) демонстрировала по существу неуправляемую, независимую от миграционной политики динамику (нулевая или отрицательная связь с ней). Поскольку количество постоянно пребывающих в стране китайцев примерно на половину состояло из нелегалов², это достаточно ярко характеризует качество системы российского миграционного учёта и контроля.

2. Основными «конкурентами» миграционной политики в её воздействии на трансграничную миграцию из Китая (особенно в среднесрочном и долгосрочном масштабе) выступают социально-экономические факторы и прежде всего тенденции внешних (в т.ч. международных) и внутренних рынков труда и товаров. В некоторых случаях (регулирование въезда из КНР во II период и трудовой миграции в III период) эти факторы действовали односторонне политике, позволяя ей достигать своих целей. Однако, когда их динамика была направлена против задач миграционной политики (например, при регулировании въезда в III период), последняя оказывалась неспособной их компенсировать. Это ставит вопрос, с одной стороны, об обеспечении объективной обоснованности, реалистичности целей миграционной политики, а с другой, о под-

¹ Впрочем, это замедление, с моей точки зрения, существует скорее в оценках экспертов, чем в самой реальности.

² К нелегальным мигрантам в данном случае относятся, прежде всего, лица, нарушившие сроки или иные условия пребывания в стране и оказавшиеся таким образом вне «поля зрения» российских властей.

боре адекватных (упреждающих и дифференцированных, т.е. не только административно-принудительных, но и экономически-стимулирующих) инструментов её осуществления.

3. Сравнительная слабость причинного воздействия российской миграционной политики на трансграничную миграцию из Китая обусловлена не только ограниченностью и недифференцированностью её информационной базы и средств реализации, но и географической неспециализированностью. Особенности страны исхода мигрантов учитываются на сегодня только в международно-правовых документах (соглашения между РФ и КНР), но не во внутренней законодательной базе миграционной политики, которая остаётся чрезмерно унифицированной. Реальное участие регионов (в лице органов власти дальневосточных субъектов РФ) в формировании и реализации миграционной политики имело место только во втором из выделенных периодов, что при всех эксцессах определённо способствовало повышению действенности государственного регулирования китайской миграции в крайне неблагоприятных условиях этого времени. Гиперцентрализация государственной политики в области трансграничной миграции в последующие периоды в целом скорее замедлила и осложнила процесс её совершенствования. Учитывая то, что на протяжении изучавшегося периода от половины до двух третей китайских мигрантов въезжали в Россию через дальневосточный участок границы, и от трети до половины одновременно пребывающих в стране китайцев находились на территории РДВ, необходимость выработки особой региональной стратегии регулирования трансграничной миграции из КНР представляется очевидной.

Литература

1. «Мы обречены на удачу» Константин Ромодановский // ФМС РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=45321 (дата обращения: 20.10.2013 г.)

2. Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.

3. Беляков С.А., Борисов В.И., Шумов В.В. Введение в погранометрику. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2012. 667 с.

4. Гельбрас В. Китайская миграция и китайские землячества // Мир в зеркале международной миграции/ Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС-Пресс, 2002. Вып. 10. С. 17-39.

5. Градировский С.Н. Доклад «Политика репатриации и трудовой миграции в современном российском государстве». Москва, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/download/book/text_pdf/doklad_vb_2010/02_trud.pdf (дата обращения: 2.10.2014 г.)

6. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.

7. Ионцев В., Ивахнюк И. Аналитический доклад по проекту на тему: Роль международной трудовой миграции для экономического развития России, CARIM-East RR 2012/28, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012.

8. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.
9. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
10. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
11. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х гг.: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. 284 с.
12. Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // Международные процессы. 2010. Т.8. № 1 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-second/014.htm> (дата обращения: 2.08.2014 г.)
13. Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад / Рук.: А.Г. Вишнеvский; отв. ред.: А.Г. Вишнеvский. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. 245 с.
14. Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред.: А.Г. Вишнеvский. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. 334 с.
15. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития / Под ред. С.Н. Градировского. М., 2005.
16. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> (дата обращения: 5.03.2011 г.)
17. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 248 с.
18. Российский статистический ежегодник 1993 / Госкомстат. М., 1994.
19. Российский статистический ежегодник 1994 / Госкомстат. М., 1995.
20. Российский статистический ежегодник 1995 / Госкомстат. М., 1996.
21. Российский статистический ежегодник 1996 / Госкомстат. М., 1997.
22. Российский статистический ежегодник 1997 / Госкомстат. М., 1998.
23. Рязанцев С.В., Хунмей Я. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию. М.: Экономическое образование, 2010. 147 с.
24. Труд и занятость в России 2003 / Госкомстат. М., 2003.
25. Труд и занятость в России 2005 / Росстат. М., 2006.
26. Труд и занятость в России 2007 / Росстат. М., 2007.
27. Труд и занятость в России 2009 / Росстат. М., 2009.
28. Труд и занятость в России 2011 / Росстат. М., 2011.
29. Труд и занятость в России 2013 / Росстат. М., 2013.
30. Численность и миграция населения РФ в 2008 г./ Росстат. М., 2009.
31. Численность и миграция населения РФ в 2010 г./ Росстат. М., 2011.
32. Численность и миграция населения РФ в 2012 г./ Росстат. М., 2013.
33. Численность и миграция населения РФ в 2013 г./ Росстат. М., 2014.
34. Zaionchkovskaya Zh., Mkrtchian N., Tyuryukanova E. Russia`s immigration challenges // *Russia and East Asia. Informal and gradual integration*. Ed. by T. Akaha and A. Vassilieva. New York: Taylor & Francis, 2014. Pp. 200-244.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. «My obrecheny na udachu» Konstantin Romodanovskij // FMS RF [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=45321 (дата обращения: 20.10.2013 г.)
2. Bezrukov I.S., Gorbenkova E.V. Perspektivy ispol'zovaniya aziatskoj rabochej sily v ehkonomie Dal'nego Vostoka Rossii. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2006. 208 s.

3. Belyakov S.A., Borisov V.I., SHumov V.V. Vvedenie v pogrametrik. M.: Pogramichnaya akademiya FSB Rossii, 2012. 667 s.

4. Gel'bras V. Kitajskaya migratsiya i kitajskie zemlyachestva // Mir v zerkale mezhdunarodnoj migratsii/ Gl. red. V.A. Iontsev. M.: MAKS-Press, 2002. Vyp. 10. S. 17-39.

5. Gradirovskij S.N. Doklad «Politika repatriatsii i trudovoj migratsii v sovremennom rossijskom gosudarstve». Moskva, 2010. [EHlektronnyj resurs]. URL:http://www.archipelag.ru/download/book/text_pdf/doklad_vb_2010/02_trud.pdf (data obrashheniya: 2.10.2014 g.)

6. Zabiyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehtnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 412 s.

7. Iontsev V., Ivakhnyuk I. Analiticheskij doklad po projektu na temu: Rol' mezhdunarodnoj trudovoj migratsii dlya ehkonomicheskogo razvitiya Rossii, CARIM-East RR 2012/28, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012.

8. Kireev A.A. Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funkcionirovaniya (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv.). Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 474 s.

9. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.

10. Larin V.L. V teni prosnuvshegosya drakona: Rossijsko-kitajskie otnosheniya na rubezhe KHKH – XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 424 s.

11. Larin V.L. Kitaj i Dal'nij Vostok Rossii v pervoj polovine 90-kh gg.: problemy regional'nogo vzaimodejstviya. Vladivostok, 1998. 284 s.

12. Larin V.L. KNR glazami dal'nevostochnika // Mezhdunarodnye protsessy. 2010. T.8. № 1 // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-second/014.htm> (data obrashheniya: 2.08.2014 g.)

13. Naselenie Rossii 2005: Trinadtsatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Ruk.: A.G. Vishnevskij; otv. red.: A.G. Vishnevskij. M.: Izd. dom GU-VSHEH, 2007. 245 s.

14. Naselenie Rossii 2009: Semnadsatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otv. red.: A.G. Vishnevskij. M.: Izd. dom NIU VSHEH, 2011. 334 s.

15. Politika immigratsii i naturalizatsii v Rossii: sostoyanie del i napravleniya razvitiya / Pod red. S.N. Gradirovskogo. M., 2005.

16. Programma sotrudnichestva mezhdru regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009 – 2018 gg.) // Irkutskaya oblast'. Predstavitel'stvo v Kitae: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> (data obrashheniya: 5.03.2011 g.)

17. Rossijskij Dal'nij Vostok i Severo-Vostochnaya Aziya. Problemy regional'nogo sotrudnichestva. M.: EHditorial URSS, 1998. 248 s.

18. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1993 / Goskomstat. M., 1994.

19. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1994 / Goskomstat. M., 1995.

20. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1995 / Goskomstat. M., 1996.

21. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1996 / Goskomstat. M., 1997.

22. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1997 / Goskomstat. M., 1998.

23. Ryazantsev S.V., KHunmej YA. Kitajskaya migratsiya v Rossiyu: tendentsii, posledstviya i podkhody k regulirovaniyu. M.: EHkonomicheskoe obrazovanie, 2010. 147 s.

24. Trud i zanyatost' v Rossii 2003 / Goskomstat. M., 2003.

25. Trud i zanyatost' v Rossii 2005 / Rosstat. M., 2006.

26. Trud i zanyatost' v Rossii 2007 / Rosstat. M., 2007.

27. Trud i zanyatost' v Rossii 2009 / Rosstat. M., 2009.

28. Trud i zanyatost' v Rossii 2011 / Rosstat. M., 2011.

29. Trud i zanyatost' v Rossii 2013 / Rosstat. M., 2013.

30. CHislenost' i migratsiya naseleniya RF v 2008 g./ Rosstat. M., 2009.

31. CHislenost' i migratsiya naseleniya RF v 2010 g./ Rosstat. M., 2011.

32. Численность и миграция населения РФ в 2012 г./ Росстат. М., 2013.
33. Численность и миграция населения РФ в 2013 г./ Росстат. М., 2014.
34. Заичковская З., Мкртчян Н., Тюрюканова Е. Russia's immigration challenges // Russia and East Asia. Informal and gradual integration. Ed. by T. Akaha and A. Vassilieva. New York: Taylor & Francis, 2014. Pp. 200-244.